

оригинальная статья

Невоплощенность в Интернете как последствие использования современных информационных технологий и убеждения в самоэффективности (на примере студенчества)

Коптева Наталия Васильевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, Пермь

<http://orcid.org/0000-0003-1466-9453>

Дорфман Леонид Яковлевич

Пермский государственный институт культуры, Россия, Пермь

<https://orcid.org/0000-0001-8494-5674>

Калугин Алексей Юрьевич

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, Пермь

<https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>kaluginau@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.03.2022. Принята после рецензирования 04.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Особый бестелесный статус, невоплощенность (ментального Я в теле) пользователя Интернета упоминается во множестве исследований, оставаясь практически неизученным в психологическом плане. Между тем многообразие проявлений и следствий соответствующего феномена достаточно полно раскрыто на клиническом материале в концепции британского экзистенциального психолога Р. Лэйнга, послужившей основанием теоретического конструкта невоплощенности в Интернете и одноименной диагностической методики. В настоящей статье они сопоставляются с понятием самоэффективности, разработанным в русле социально-когнитивного подхода А. Бандурой и модифицированным его последователями Р. Шварцером и М. Ерусалемом, создателями шкалы общей самоэффективности. Использование последней в исследовании совместно с опросником невоплощенности в Интернете имело целью установление взаимосвязи между аспектами Я (самовосприятием технологического развоплощения и субъективным ощущением своей социальной жизни и дееспособности) у одной из наиболее продвинутых категорий пользователей (студентов вузов) в период формирования их первой целостной формы идентичности. Получены данные, подтверждающие, что переживания молодых людей по поводу искусственного разделения ментального Я и физического тела при использовании Интернета сопровождаются ослаблением убеждений в личной эффективности за его пределами. Выявлена специфика самоидентификации в группах студентов, различающихся выраженностью последствий развоплощения в Интернете и общей самоэффективности.

Ключевые слова: аспекты Я, технологическое развоплощение, невоплощенность в Интернете, общая самоэффективность

Цитирование: Коптева Н. В., Калуин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете как последствие использования современных информационных технологий и убеждения в самоэффективности (на примере студенчества). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 504–516. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-504-516>

full article

Disembodiment of Internet Users as a Consequence of Modern Information Technologies and Self-Efficacy Beliefs in Students

Natalia V. Kopteva

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Russia, Perm

<http://orcid.org/0000-0003-1466-9453>

Leonid Ya. Dorfman

Perm State Institute of Culture, Russia, Perm

<https://orcid.org/0000-0001-8494-5674>

Alexey Yu. Kalugin

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Russia, Perm

<https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>kaluginau@yandex.ru

Received 9 Mar 2022. Accepted after peer review 4 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: This article focuses on the concept of disembodied Internet personality. The Internet gives its users a special disembodied status because mental self of the Internet user has no physical manifestation. Although this concept appears in many studies, it remains practically unexplored in psychological terms. However, British existential psychologist R. Laing already described

its varieties and consequences on clinical material. His *The Divided Self: An Existential Study In Sanity And Madness* became a theoretical foundation of virtual disembodiment and a questionnaire of the same name. In this article, R. Laing's ideas were compared with the socio-cognitive concept of self-efficacy, which was developed by A. Bandura and then modified by R. Schwarzer and M. Jerusalem, who also designed the scale of general self-efficacy. This research used both the scale of general self-efficacy and the questionnaire of Internet disembodiment to establish the relationship between various aspects of the Self. The research featured the self-perception of technological disembodiment and the subjective sense of social vitality and capacity in university students during the development of their first integral form of identity. The artificial separation of the mental Self from the physical body in the virtual environment weakened their beliefs in personal efficacy outside the virtual space. Students with different severity of online disembodiment and general self-efficacy appeared to have different self-identification features.

Keywords: aspects of Self, technological disembodiment, disembodiment on the Internet, general self-efficacy

Citation: Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Disembodiment of Internet Users as a Consequence of Modern Information Technologies and Self-Efficacy Beliefs in Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 504–516. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-504-516>

Введение

Вероятно, первым, кто обратил внимание на то, что в эфире мы представляем собой отделенный от тела разум, был выдающийся теоретик медиа М. Маклюэн¹. С тех пор развоплощение (*disembodiment*), цифровое развоплощение (*digital disembodiment*), трансцендирование тела, бестелесность, дематериализация, развеществление, ограниченность физического присутствия, анонимность пользователя современных информационных технологий были неоднократно отмечены психологами, а в отношении идентичности утвердился эпитет *виртуальная* [1–17]. Тем не менее до настоящего времени не предложено теоретического и эмпирического конструкта соответствующего неизбежному и уже по этой причине значимому психологическому последствию применения информационных технологий.

При его создании мы обратились к классической клинической концепции невоплощенности (*unembodiment*) шизоидов, более известной как концепция онтологической неуверенности (*ontological insecurity*), автором которой является британский психолог Р. Лэинг. Свое исследование он предвещает словами: «Вообще говоря, очевидно, что обсуждаемое здесь нами с клинической точки зрения является лишь небольшим примером чего-то, во что глубоко вовлечена человеческая природа и во что мы можем привнести лишь частичное понимание» [18, с. 34]. В книге «Расколотое "Я". Экзистенциальное исследование "нормальности" и безумия», ставшей психологическим бестселлером, Р. Лэинг обозначает разнообразные ракурсы изучения феномена, рассматривает процесс развоплощения и экзистенциальное состояние невоплощенности индивида, иерархию основных элементов, конституирующих его мир, способ бытия-в-мире, структурирование разделенного Я, особенности индивидуальности, личностной автономии и отношений с другими людьми, систему

переживаний, специфические образы экзистенциальной тревоги, соотносимые с онтологической неуверенностью.

В нашем конструкте невоплощенности в Интернете и основанной на нем одноименной диагностической методике (НВИ) лишь отчасти реализованы возможности, которыми располагает концепция Р. Лэинга для понимания порожденного информационной эпохой психологического феномена, радикально меняющего жизнь и опыт современного человека [19; 20]. Дальнейшей разработке понятия технологического развоплощения и соответствующего диагностического инструментария, помимо потенциала концепции, может способствовать их сопоставление с родственными понятиями и их эмпирическими эквивалентами. В ряде предшествующих статей невоплощенность в Интернете с помощью одноименной методики изучалась в контексте смыслоутраты [21], самоотчуждения, отчуждения в разных сферах жизни и формах [22], в связи с последствием нормативного использования Интернета – изменением психологических границ – и интернет-зависимостью [23].

Настоящее исследование касается влияния, которое невоплощенность в Интернете оказывает на убеждения в самоэффективности одной из наиболее активных категорий потребителей технологии – студентов вузов. В статье в теоретическом и эмпирическом планах сравниваются конструкты, разработанные в русле направлений психологии, существенно различающихся своей методологией. Учитывая это, мы используем кросс-теоретический подход к интеграции теорий [24], позволяющий соотносить теории по одному из трех вариантов: система – система, система – подсистема, перекрещивание систем. Условием интегрирования теорий по первому варианту может быть поиск и обнаружение общего у обеих теорий, причем эта новая общность должна быть шире отдельных теорий, т. е. вбирать их в себя. Второй вариант предполагает, что одна из теорий

¹ Выступление Маршалла Маклюэна на семинаре профессора Форсдейла 17.07.1978. Тичерс-Колледж, Университет Колумбии, Нью-Йорк. Режим доступа: <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-na-seminare-professora-forsdejla/> (дата обращения: 20.06.2021).

включает в себя другую как подсистему. Наконец, в рамках третьего варианта каждая теория рассматривается одновременно как самостоятельная система и как подсистема другой теории, тем самым каждая теория имеет свои системные качества и маркеры подсистемы другой теории.

Социально-когнитивная концепция А. Бандуры являет собой трансформацию бихевиоризма, связанную с включением в орбиту его интересов понятий, относящихся к гуманитарной парадигме психологии, в частности, таких как *личность* и *Я*. Эти понятия, объединяющие теории, оказываются шире них. Таким образом, обнаруживается общее между двумя концепциями – экзистенциальной и когнитивной, что позволяет рассматривать интеграцию теорий по типу *система – система*.

Согласно принципу дополнительности, предпринимаемое нами исследование позволит представить психологическую реальность невоплощенности в Интернете более полно, т. к. «теории – это своего рода "гносеологические ножницы", ... чем шире их размах, т. е. чем больше расхождение между соперничающими теориями, тем больше знания они "вырезают"» [25, с. 266].

Конструкт невоплощенности в Интернете

Развоплощение в Интернете обязано своим происхождением в первую очередь самим информационным технологиям. Вопрос об изменениях такого рода был поставлен в исследованиях В. А. Емелина, Е. И. Рассказовой и А. Ш. Тхостова, которые в свою психологическую модель последствий нормативного пользования техническими средствами (компьютером, Интернетом и мобильным телефоном) включили психологическую зависимость от них, расширение и размывание психологических границ, утрату приватности, изменение структуры потребностей, структуры деятельностей, мотивации и навыков [26; 27, с. 56]. Операционализируя модель, они выделили три вида последствий: нарастание психологической зависимости, изменения в сфере потребностей и изменение психологических границ (в качестве системообразующего) [27, с. 60], которое дало название набору диагностических методик, соответствующих разным техническим средствам (МИГ-ТС).

Отметим значительную область пересечения изменения психологических границ и развоплощения как последствий нормативного использования Интернета. Отчуждение тела с необходимостью предполагает нарушение нормального ощущения психологических границ, «так как именно по отношению к нему (поскольку это мое тело) занимает положение и определяется все существующее» [28, с. 10]. Расширение и размывание психологических границ достигается благодаря «отвязке» развоплощенного пользователя от места его физического пребывания, способности ментального Я преодолевать любые расстояния. Однако если расширение и размывание психологических границ означает также их проницаемость, утрату личной

приватности, то развоплощение является фактором, скорее способствующим ее сохранению [23].

Норму развоплощения Я современного человека можно определить исходя из того, что «в бытии-действии виртуальная реальность – только недород бытия, низший горизонт минимальных недо-обналиченных событий; тогда как человек – Нексус, действующая связь между всеми горизонтами. Горизонты имеют порядок, и, наряду с низшим горизонтом, между ними есть высший. И эти простые вещи достаточно ясно говорят, какими же должны быть отношения человека и виртуальной реальности» [29]. Бытию-действию в единстве его горизонтов сопутствуют переживания полноты, изобилия, ценности. Проводником подобного бытия в мир является *витальное воплощенное Я*, которое ощущается как цельное, субстанциональное, реальное, живое, в то время как виртуальному развоплощенному Я с его специфическими переживаниями отводится роль частной, подчиненной ипостаси человека-Нексуса.

Должный порядок горизонтов бытия нарушается по мере того, как предпочтение отдается реальности, создаваемой посредством информационных технологий. Кумулятивный характер этого процесса нашел отражение в эмпирическом конструкте последствий нормативного использования технических средств Е. И. Рассказовой, В. А. Емелина и А. Ш. Тхостова. В частности, в наборе шкал, относящихся к изменению психологических границ методики МИГ-ТС, помимо *расширения границ в общении и рефлексии нарушения границ*, присутствуют шкалы *предпочтение технологий – простота и предпочтение технологий – возможности*, соотносимые с проблемной пользовательской активностью и интернет-зависимостью. Патология выступает как искажение процессов (в данном случае изменения психологических границ), имеющих место при использовании технологий в норме [27].

В нашем конструкте эти искажения предполагают усугубление процесса развоплощения по мере *предпочтения Интернета*, т. е. предпочтения виртуального мира *единственному реально существующему миру*, недорода бытия – богатству бытия-действия. Сопутствующая невоплощенности девитализация Я находит выражение в переживаниях его слабости, недостаточной личностной согласованности и связности, выброшенности из жизни, утрате чувства реальности.

На рис. 1 обозначены статусы Я, соответствующие исходам развоплощения при нормативной и выходящей за пределы нормы пользовательской активности. Поскольку отчетливая граница между ними отсутствует, а «каждый человек, даже самая невоплощенная личность, переживает самого себя как сложным образом связанного со своим телом» [18, с. 60], можно говорить о месте человека в континууме, крайние точки которого соответствуют оптимальному соотношению витального воплощенного и невоплощенного Я, и практически утратившему связь с телом «*homo virtualis*, который стремится замкнуться

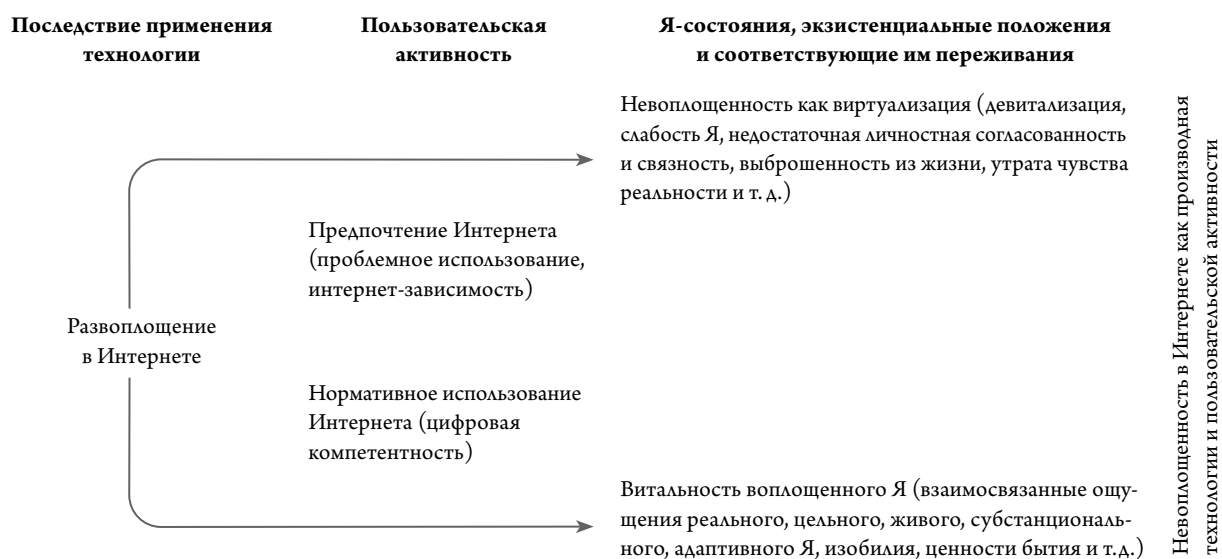

Рис. 1. Конструкт невоплощенности в Интернете
Fig. 1. Construct of disembodiment on the Internet

в горизонте виртуальной реальности, с трудом его покидает и вырабатывает специфические "виртуалистские" стереотипы поведения и деятельности» [29].

Отношение невоплощенности (вариантом которой является виртуализация пользователя информационных технологий) и самооффективности к психологической реальности Я (Self) очевидно уже на уровне исходных англоязычных терминов: *embodid – unembodid self, self-efficacy*.

Самооффективность

Самооффективность – позднейшее из понятий, введенных А. Бандурой, в фокусе внимания которого изначально находилось поведение. Оно появилось, когда интерес исследователя сместился к личностному опосредствованию поведения [30]. По А. Бандуре Я не является автономной сущностью, концепцией которой человек руководствуется в своем поведении, а выступает как система, состоящая из сознательных когнитивных структур и процессов, соотносимых с поведением и его регуляцией в различных условиях. Подобное толкование следует из теории реципрокного детерминизма (*reciprocal determinism*) А. Бандуры. В ней система Я относится к личности (*person*) – одному из взаимно влияющих друг на друга факторов триады, к которым относятся также поведение (*behavior*) и внешняя среда (*environment*). Я формируется в результате научения, под влиянием среды и уроков, извлекаемых личностью из собственного поведения. В статье *The self system in reciprocal determinism* А. Бандура утверждает: «так как концепции людей, их поведение и их окружение взаимно детерминированы, индивиды не являются ни беспомощными объектами, контролируемые

своим окружением, ни совершенно свободными существами, которые могут делать все, что им вздумается»² [31, р. 356–357]. В то же время самооффективность образует аспект Я системы, задающий внутреннюю логику человеческого поведения, несводимую к влиянию внешней среды.

Невоплощенность в Интернете и самооффективность

А. Бандура акцентировал зависимость убеждений в самооэффективности от вида действий или деятельности, уровня их сложности, условий выполнения и поэтому отдавал предпочтение уточняющей микроаналитической стратегии исследования. Позже в русле социально-когнитивной теории появились разработки, в которых личная эффективность была переосмыслена как глобальное понятие. С. Клонингер, отмечая тот факт, что А. Бандура считал необходимым измерять самооэффективность отдельно для каждой конкретной поведенческой сферы, приводит ее исследования иного рода – как широко понятной черты, приложимой ко многим активностям [32, с. 457]. К ним можно отнести разработки Р. Шварцера и М. Ерусалема, исходивших из того, что социальные ситуации порождают ожидания не только частного, но и генерализованного характера, и предложивших инструментарий для измерения общей самооэффективности [33], используемый нами в последующем эмпирическом исследовании.

Предложенный конструкт невоплощенности в Интернете подразумевает систему переживаний пользователя, соответствующих разделенному Я (развоплощенному и витальному, воплощенному). В концепции Р. Лэйнга проблематика воплощенности (ментального Я в теле)

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

и онтологической уверенности (*security*, в русском переводе – также безопасность), являющейся фундаментом любой другой уверенности [18, с. 35], в значительной мере совпадает. Развоплощение негативно отражается на восприятии человеком своего бытия «как отличающегося при обычных условиях от остального мира настолько явно, что его индивидуальность и автономия никогда не ставятся под сомнение» [18, с. 35].

Понимание общей самоэффективности как системы ожиданий человека в отношении своей способности управлять жизнью, менять ее в желаемом направлении созвучно канонам экзистенциальной психологии. К ее тезаурусу принадлежит понятие жизни, которое, впрочем, как «крайне невинное», предпочитали заменять хорошо проработанным понятием бытия [34].

В отличие от А. Бандуры, считавшего физическое состояние человека лишь одним из источников самоэффективности [35], Нил Чешир и Гельмут Томе принимают его за константу любого поведения, любой успешной активности: «Личностная дееспособность, которую Альберт Бандура [36] назвал "самоэффективностью", в клинической области часто считают тесно связанной с чувством личностной безопасности, в котором особое значение принадлежит телу. Эффективное поведение, каким бы ни были его проявления в зависимости от обстоятельств, так или иначе связано со способностью тела нормально функционировать. В свою очередь, ровное, налаженное, ничем не затрудняемое функционирование тела существенно повышает чувство безопасности – имеется в виду уверенность в своем личностном тождестве и в том, что ты отличаешься от других людей» [37, с. 32].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что представленные в настоящем исследовании аспекты системы Я, выделенные в рамках различных психологических подходов, интерпретируются в качестве бытийных феноменов, имеющих отношение к проблематике физического Я. Экзистенциальный концепт невоплощенности в Интернете, однако, обнаруживает последствия «информационно-технической замены удовольствия быть человеком» [38, с. 78], проявляющиеся в переживаниях самооценки, ценности индивидуального бытия. Хотя составляющие концепт когнитивной психологии убеждения, ориентированные на критерии способностей, компетентности, достижений и успеха, относятся преимущественно к бытию социальному, они в той или иной степени подразаывают телесное благополучие.

Невоплощенность в Интернете и самоэффективность в юности

Характеристики Я являются центральными для развития в юности, которая, как утверждал Э. Эриксон, всегда и везде – «это время самоутверждения, когда кажется, что на гребне технологических, экономических или идеологических течений можно приобрести все для юношеской

вitalности» [39, с. 100]. Задачей этого важнейшего периода жизни он считал ресинтезирование всех идентификаций детства и формирование на основе экспериментирования с идентичностью ее первой целостной формы. Опорами развитого чувства идентичности, без которого в «социальных джунглях» человеческого общества невозможно сохранить ощущение жизни, являются Эго, организм и социум. Такое чувство, означающее благополучное разрешение юношеского кризиса идентичности, требует интеграции многочисленных Я-образов по осям времени и ролевого социального пространства. Сегодня, для того чтобы достичь переживания целостности (Я есть Я), молодому человеку необходимо проделать аналогичную работу в отношении своих Я-образов в виртуальной реальности, а также объединить Я офлайн и Я онлайн. Один из крупнейших социологов современности Э. Гидденс в книге «Модернити и самоидентичность» [40], подчеркивая динамизм идентичности, уязвимость, склонность к фрагментации при наличии разнообразия возможных образов для идентификации, тем не менее определяет ее в духе Э. Эриксона через «постоянное чувство непрерывной духовной и телесной личности» [40, p. 55].

Гипотезы исследования

В юности витальное целостное Я, соотносимое с чувством личной самотождественности, самооценки с необходимостью дополняет самоэффективность, основанную на групповой идентичности, «технологической гордости» за обретение своего места в обществе и профессиональной принадлежности [39, с. 114]. Предпринимаемое нами эмпирическое исследование предполагает выявление связи аспектов Я студентов, соотношение которых определяет меру технологического развоплощения, с аспектом Я, отражающим их убеждения относительно своей социальной жизне- и дееспособности, попытку ответа на вопрос о приобретениях и потерях для юношеской витальности, которые несут с собой информационные технологии.

В соответствии с идеей об интеграции теорий невоплощенности в Интернете и самоэффективности по типу *система – система*, общее между ними может быть обнаружено с помощью корреляционного анализа. С учетом полярных аспектов Я, имеющих в конструкте невоплощенности в Интернете, ожидается следующая направленность связи: *невоплощенность в Интернете* и ее частные измерения, *невоплощенность как виртуализация и предпочтение Интернета*, указывающее на особенности пользовательской активности, отрицательно взаимосвязаны с *самоэффективностью*, а *витальное воплощенное Я* – положительно.

По преимуществу бытийные основания невоплощенности в Интернете и социальные – личной эффективности позволяют предположить наличие специфики самоидентификации в группах студентов, различающихся профилем соответствующих интегральных показателей.

Методы и материалы

Участники

Выборку исследования составили 415 студентов гуманитарного профиля обучения в возрасте 17–22 лет ($M=18,63$; $SD=0,88$): 122 юноши, 293 девушки.

Психодиагностический инструментарий

Для оценки невоплощенности в Интернете использовался соответствующий опросник «Невоплощенность в Интернете» [20], включающий три частных шкалы и одну общую (показатель которой составлял разницу суммы двух первых субшкал и третьей субшкалы).

1. *Невоплощенность как виртуализация* раскрывает негативные переживания, связанные с бестелесным состоянием. Невоплощенность предполагает проблематизацию собственного существования, ощущение его иллюзорности. Под сомнение ставится реальность Я, отождествляемого со своими ролями и персонажами в Интернете, отстраненного от тела, поведения, поступков в реальной жизни.
2. *Предпочтение Интернета* обнаруживает привлекательные стороны онлайн-существования, опосредствованного общения и положения невоплощенности. К мотивам предпочтения Интернета относятся: безопасность общения и самовыражения, анонимность, компенсаторная функция «жизни на экране». Их действие может привести к состоянию, которое Р. Лэинг вслед за С. Кьеркегором назвал «заколоченностью», ограниченностью существования миром фантазий.
3. *Витальность воплощенного Я* объединяет характеристики, альтернативные невоплощенности. Пункты шкалы указывают на жизнеспособность личности, ее адаптивность, саморегуляцию, управление жизнью офлайн. Она описывает личность, которая «ощущает, что состоит из плоти, крови и костей, что она биологически жизнеспособна и реальна» [18, с. 61]. К характеристикам, присущим воплощенному в теле самообосновывающему Я, относятся: удовлетворенность своим телом (здоровьем, внешностью, качеством сна), сохранность психических функций (памяти как фундамента психического). Некоторые из них по своему смыслу противоположны параметрам, составляющим физический аспект интернет-зависимости. Витальность воплощенного Я может выступать в качестве ресурса, противодействующего развитию невоплощенности при взаимодействии с Интернетом.
4. Общая шкала *Невоплощенность в Интернете* характеризует меру, в которой пользователь ощущает себя нереальным физически и экзистенциально, соответствующую выраженности его ориентации на жизнь в «пространстве позади экрана» технического средства. Низкие показатели могут указывать на то, что развоплощение пользователя посредством информационных технологий включено в воплощенное

бытие за пределами Интернета и подчинено ему. Низкие показатели могут быть также результатом установки на социальную желательность при заполнении опросника.

Конструктивную валидность методики подтвердили результаты анализа главных компонент и конфирматорного факторного анализа на выборке 809 человек в возрасте 17–25 лет ($M=18,7$; $SD=1,0$). Одномоментная надежность шкал составляла от 0,7 до 0,9. Шкалы *витальность воплощенного Я* и *предпочтение Интернета* обнаружили высокий уровень дискриминативности, шкала *невоплощенность как виртуализация* – умеренный. Нашли подтверждение внутренняя и внешняя конвергентная и дискриминантная валидности методики [20].

Для оценки самооффективности использовалась методика «Шкала общей самооффективности» Р. Шварцера, М. Ерусалема в адаптации В. Г. Ромека [41].

Анализ данных

Сырые данные были стандартизированы, переведены в Т-баллы со средним 50 и стандартным отклонением 10. Затем была проверена нормальность распределения на основе анализа асимметрии и эксцесса. Значения асимметрии и эксцесса в пределах ± 1 могут считаться отличными, а ± 2 – приемлемыми [42, р. 114–115].

В соответствии с первой гипотезой изучались взаимосвязи невоплощенности в Интернете с самооффективностью студентов. Для этих целей использовался корреляционный анализ Пирсона.

Для тестирования второй гипотезы выборка была разделена на подгруппы на основании иерархического кластерного анализа (метрика – квадрат евклидовых расстояний, метод объединения – метод Уорда). Переменными, по которым осуществлялось деление выборки на кластеры, были общая шкала невоплощенности в Интернете и самооффективность. Оптимальное количество кластеров определялось с помощью анализа дендрограммы. Затем различия в группах изучались с помощью многомерного и одномерного дисперсионного анализа (множественные сравнения – критерий Тьюки). Взаимосвязи между переменными исследовались с помощью корреляционного анализа.

Анализ данных производился в среде языка программирования R.

Результаты

Проверка допущений к использованию параметрических критериев

Проверка асимметричности распределения тестируемых показателей выявила приемлемый уровень асимметрии для невоплощенности как виртуализации ($As=1,15$) и отличный – для остальных показателей. Эксцесс был отличным для всех переменных. Полученные результаты позволяют использовать параметрические критерии для дальнейшего статистического анализа.

Взаимосвязь невоплощенности в Интернете с самооффективностью студентов

В результате корреляционного анализа по критерию Пирсона (табл. 1) в общей выборке выявлены ожидаемые обратные связи невоплощенности как виртуализации ($r=-0,24$; $p<0,001$), предпочтения Интернета ($r=-0,21$; $p<0,001$) и общего показателя НВИ ($r=-0,41$; $p<0,001$) с показателем самооффективности, а также прямая взаимосвязь между витальностью воплощенного Я и самооффективностью ($r=0,56$; $p<0,001$).

Табл. 1. Взаимосвязь невоплощенности в Интернете с самооффективностью студентов

Tab. 1. The relationship of disembodiment on the Internet with students' self-efficacy

Шкала	Самооффективность	Невоплощенность как виртуализация	Предпочтение Интернета	Витальность воплощенного Я
Невоплощенность как виртуализация	-0,24***	–	–	–
Предпочтение Интернета	-0,21***	0,45***	–	–
Витальность воплощенного Я	0,56***	-0,36***	-0,21***	–
Невоплощенность в Интернете	-0,41***	0,89***	0,70***	-0,63***

Прим.: N=415; *** – $p<0,001$.

Э. Гидденс, развивающий идеи Р. Лэинга, вслед за ним констатирует: «тело не просто "сущность", оно переживается как практический способ совладания с внешними обстоятельствами, ситуациями и событиями» [40, р. 56]. Виртуализация, неостребованность тела в киберпространстве, предпочтение активности онлайн означают ограничение

общей самооффективности студентов, их веры, готовности и реальной способности решать проблемы, достигать свои цели, преодолевать трудности, контролировать ситуации. Полученные данные позволяют заключить, что компетентности, на которых она базируется, принадлежат воплощенной части Я, противостоящей технологическому развоплощению.

Переживания слабости Я, девитализации, утраты реальности, сопутствующие пребыванию в интернет-среде, усугубляются проблемной пользовательской активностью: невоплощенность как виртуализация и предпочтение Интернета взаимосвязаны ($r=0,45$; $p<0,001$). В той мере, в какой виртуализация Я и предпочтение виртуальной реальности теснят воплощенное витальное Я, невоплощенность в Интернете приобретает смысл своего рода инвалидизации пользователя технологии за пределами Сети. Если следовать А. Адлеру [43], подобная тотальная органическая неполноценность усиливает одноименное чувство. В качестве его выражения можно рассматривать ослабление веры молодых людей в личную эффективность, в успех предпринимаемых действий и деятельности, снижение ощущения своей состоятельности по отношению к широкому кругу актуальных социальных офлайн-ситуаций.

В свете второй из гипотез нашего исследования, ввиду различий оснований переживания виртуализации – воплощенности в Интернете и убеждений в самооффективности, можно ожидать, что картина их соотношения в группах будет менее однозначной.

Группы студентов, различающиеся уровнем невоплощенности в Интернете и самооффективностью

Проведенный иерархический кластерный анализ (метрика – квадрат евклидовых дистанций, метод объединения – метод Уорда) и анализ полученной дендрограммы (рис. 2) позволил выделить четыре кластера (рис. 3). В табл. 2 представлены средние значения тестируемых переменных отдельно по кластерам, результаты множественных сравнений по критерию Тьюки и характеристики модели – критерий F и уровень значимости для него.

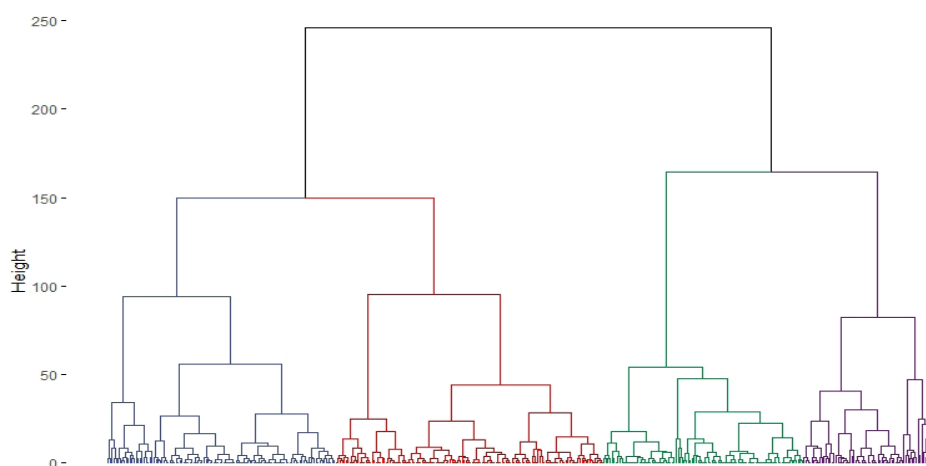

Рис. 2. Дендрограмма кластерного анализа, представляющая четыре группы студентов, которые различаются уровнем невоплощенности в Интернете и самооффективностью
Fig. 2. Cluster analysis: four groups of students with different level of Internet disembodiment and self-efficacy

Как видно из рис. 3 и табл. 2, в выделенных кластерах представлены все возможные сочетания значений переменных, для краткости назовем вошедших в соответствующие кластеры студентов:

- 1) воплощенные эффективные,
- 2) невоплощенные неэффективные,
- 3) умеренно воплощенные неэффективные,
- 4) умеренно невоплощенные эффективные.

Об условности этих наименований свидетельствуют средние показатели невоплощенности в Интернете и самооэффективности в Т-баллах (табл. 2), которые в основном располагаются в диапазоне от 40 до 60. Однако в пределах нашей выборки и с учетом значимости различий между группами они допустимы.

Все четыре обнаруженные группы значимо не различаются по полу и возрасту, это может указывать на отсутствие вклада половозрастных характеристик в различение групп. Представим характеристики групп.

Воплощенные эффективные (кластер 1) – группа по объему несколько превышающая остальные три – 134 человека (32,3 % общей выборки). Показатели, указывающие на позитивное самовосприятие (*витальность воплощенного Я*, самый высокий по сравнению с другими группами, и самооэффективность, более высокий, чем в двух

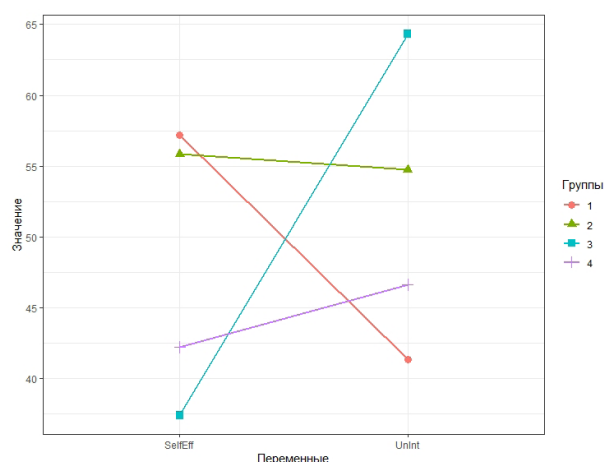

Рис. 3. Средние кластеров по переменным невоплощенности в Интернете и самооэффективности

Fig. 3. Cluster means by variables of disembodiment on the Internet and self-efficacy

группах), располагаются на верхней границе нормы, а свидетельствующие об избыточном развоплощении (*невоплощенность в Интернете, невоплощенность как виртуализация и предпочтение Интернета*) – на нижней.

Табл. 2. Результаты сравнения переменных невоплощенности в Интернете и самооэффективности отдельно по каждому кластеру

Tab. 2. Variables of Internet disembodiment and self-efficacy for each cluster

Переменные	Группы				Множественные сравнения						F-критерий (3, 411)
	1. Воплощенные эффективные	2. Умеренно невоплощенные эффективные	3. Невоплощенные неэффективные	4. Умеренно воплощенные неэффективные	2–1	3–1	4–1	3–2	4–2	4–3	
Объем кластера (N)	134	114	67	100	–	–	–	–	–	–	–
%	32,3	27,5	16,1	24,1	–	–	–	–	–	–	–
Пол	1,7	1,7	1,7	1,8	–	–	–	–	–	–	F=0,68; p=0,563
Возраст	18,7	18,6	18,6	18,6	–	–	–	–	–	–	F=0,22; p=0,881
Самооэффективность	57,2	55,8	37,4	42,2	–	***	***	***	***	***	F=267,21; p<0,001
Невоплощенность как виртуализация	42,7	55,3	62,1	45,1	***	***	*	***	***	***	F=159,06; p<0,001
Предпочтение Интернета	44,5	53,8	59,1	47,1	***	***	–	***	***	***	F=57,64; p<0,001
Витальное Я	57,1	49,4	39,0	48,6	***	***	***	***	–	***	F=78,72; p<0,001
Невоплощенность в Интернете	41,3	54,7	64,3	46,6	***	***	***	***	***	***	F=281,04; p<0,001

Прим.: * – p<0,05; *** – p<0,001; (3, 411) – степени свободы для F-критерия.

С ростом выраженности *витальности воплощенного Я* падает *невоплощенность в Интернете* ($r=-0,59$; $p<0,001$), а *самоэффективность*, напротив, растет ($r=0,41$; $p<0,001$) (табл. 3).

Р. Лэйнг считал воплощенность лишь отправной точкой для становления цельной личностью, а также «предпосылкой иерархии возможностей, отличной от иерархии, открытой для личности, переживающей себя с точки зрения дуализма "я" и тела» [18, с. 63]. Из полученных данных следует, что студенты обсуждаемой группы не только

Табл. 3. Результаты корреляционного анализа отдельно для каждого кластера

Tab. 3. Correlation analysis for each cluster

N	Шкала	Самоэффективность	Невоплощенность как виртуализация	Предпочтение Интернета	Витальность воплощенного Я
Кластер 1	Невоплощенность как виртуализация	-0,1	–	–	–
	Предпочтение Интернета	-0,17*	-0,12	–	–
	Витальность воплощенного Я	0,41***	-0,05	0,11	–
	Невоплощенность в Интернете	-0,44***	0,38***	0,61***	-0,59***
Кластер 2	Невоплощенность как виртуализация	0,1	–	–	–
	Предпочтение Интернета	0,11	0,25**	–	–
	Витальность воплощенного Я	0,37***	0,14	0,34***	–
	Невоплощенность в Интернете	-0,01	0,86***	0,55***	-0,12
Кластер 3	Невоплощенность как виртуализация	-0,07	–	–	–
	Предпочтение Интернета	-0,06	-0,02	–	–
	Витальность воплощенного Я	0,46***	-0,07	-0,18	–
	Невоплощенность в Интернете	-0,26*	0,75***	0,5***	-0,56***
Кластер 4	Невоплощенность как виртуализация	0,02	–	–	–
	Предпочтение Интернета	0,11	–	–	–
	Витальность воплощенного Я	0,08	-0,09	0,09	–
	Невоплощенность в Интернете	0,03	0,63***	0,56***	-0,54***

Прим.: n1=134; n2=114; n3=67; n4=100; * – $p<0,05$; ** – $p<0,01$; *** – $p<0,001$.

обладают такой отправной точкой в период самоопределения, но и реализуют в качестве одной из возможностей, открывающихся для личности, подлинно основанной на своем теле, высокую общую самоэффективность.

Переживания личностного тождества и витальности студентов группы восходят к самовосприятию Я как воплощенного, цельного реального, подлинного, а также генерализованному ожиданию самоэффективности, успешности в широком спектре деятельности. Ощущение самоценности молодых людей в соответствии с внутренними критериями и критериями компетентности, результативности в социуме совпадает. Это благоприятный фактор для юности, к значительным достижениям которой К. Г. Юнг относил становление социальным существом и преобразование своей первоначальной природы так, чтобы она более или менее отвечала этой форме существования, даже если утверждение социальной цели происходит за счет цельности личности [44, с. 193–194].

В условиях дополнения «обычной» социализации цифровой технологическое развоплощение составивших группу молодых людей следует признать нормативным. С этим согласуется относительно низкий показатель *предпочтения Интернета*, указывающий на проблемную пользовательскую активность.

Умеренно воплощенные неэффективные (кластер 4) – довольно значительная по размерам группа студентов – 100 человек (24,1 %). Низкие общий показатель *невоплощенности в Интернете* и частный – *невоплощенность как виртуализация* уступают только предыдущей группе, а *предпочтение Интернета*, которое в этих группах совпадает по уровню, ниже, чем в двух оставшихся. Таким образом, технологическое развоплощение в группе соответствует скорее нормативному использованию Интернета. При этом только в ней показатели методики НВИ и общей самоэффективности не связаны между собой, в том числе показатель *витальность воплощенного Я*, предполагающий ее рост в трех других группах ($r=0,02\div0,11$; $p>0,05$). Отметим также общую тенденцию, которая становится очевидной при рассмотрении отдельных групп и не видна при изучении всей выборки в целом: *витальность воплощенного Я*, сохраняя положительные связи с самоэффективностью (кроме кластера 4), теряет связи с субшкалами НВИ (кроме кластера 2).

От группы *воплощенных эффективных* обсуждаемую группу отличает не высокий, а средний уровень показателя *витальность воплощенного Я*. Место группы в обозначенном Р. Лэйнгом континууме *воплощенность – невоплощенность* соответствует положению большинства людей, идентифицирующих себя с телом: между позитивным и негативным полюсами здоровья – нездоровья. «Обычный» уровень воплощенности предполагает более или менее серьезную «трещину» в ядре бытия, между ментальным Я и телом, не имеющую прямого отношения к виртуализации в Интернете, как правило, она не рефлексивируется и обнаруживается в дефиците чувствительности к важным сигналам,

которые посылает тело. А. Маслоу и К. Роджерс, мыслившие самость как организмическую по природе, видели основное препятствие на пути к ее актуализации в ориентации на внешние требования. Укорененность в собственном теле не отменяет необходимости утверждения человеком своей воплощенности в бытии посредством создания других опор, осознанного структурирования надежного бытия-в-мире. Вопрос о витальности Я – это вопрос ответственности человека за избранный им способ существования, меру воплощенности, определяемую участием в жизни.

Это может объяснить в самом общем плане, почему в группе, относительно благополучной с точки зрения технологического развоплощения, низкий показатель *самоэффективности*. Более конкретные причины такой оценки студентами своих социальных достижений, очевидно, остались за границами исследования.

Невоплощенные неэффективные (кластер 3) – самая меньшая по размерам группа – 67 человек (16,1 %), с профилем, зеркальным по отношению к профилю первой из рассмотренных групп. Это единственная группа, в которой большинство показателей оказались за пределами нормы, несколько выше 60 (*невоплощенность в Интернете, невоплощенность как виртуализация*) или ниже 40 Т-баллов (*воплощенное, витальное Я и самоэффективность*).

Технологическому развоплощению, более выраженному по сравнению с другими группами, переживанию себя с точки зрения дуализма Я и тела соответствует сужение возможностей, соответствующих целостному Я, к которым можно отнести общую самоэффективность. Облик иной иерархии возможностей, о которой писал Р. Лэйнг, благодаря информационным технологиям существенно меняется. Л. В. Баева обозначает новые решения экзистенциальных проблем в условиях электронной культуры, открывающие возможности преодоления человеком собственной конечности (бытие к смерти), выбора условий онлайн-существования (заброшенность в мир), неограниченных масштабов трансценденции в мир, свободы выбора в Сети: быть или не быть, каким и где быть, принимать или отвергать предлагаемые условия и нормы. Попутно возникающие экзистенциальные вызовы, представленные автором, выглядят не менее впечатляюще. Утрату границ реальности, абсурдность отношений *виртуальный Я и виртуальный Другой*, зависимость от виртуального взаимодействия, виртуальную объективацию, одиночество в Сети, относительность свободы виртуального выбора [45] можно рассматривать в качестве проявлений глобального антропологического кризиса современности, причиной которого является трансформация опыта человека, наделенного исчезающим, диджитал-телом [46].

Самые низкие показатели, указывающие на самоценность в группе, можно связать с разочарованием студентов в электронной версии экзистенции, на приверженность которой может указывать показатель *предпочтение Интернета*, наиболее высокий по сравнению с остальными группами.

Не исключена вероятность, что составившие группу студенты являются интернет-зависимыми.

Выходящее за границы нормы технологическое развоплощение, определенная «слабость» воплощенного витального Я, недостаточное чувство личной эффективности могут расцениваться как свидетельствующие о нехватке ощущения самого себя как бытия в своем праве [18, с. 195], «чувства своей неотъемлемой самости и личной тождественности» [18, с. 32], «надежно заложенного ощущения индивидуальности» [18, с. 112–113]. Подобную возможность предсказывал М. Маклюэн, который говорил, что «Электрический век» вместе с телом лишил людей индивидуальности.

Если во времена, предшествовавшие цифровизации, Р. Лэйнг связывал невоплощенность с индивидуальными особенностями, наличие в популяции обсуждаемой группы позволяет сделать вывод, что дефицит воплощенности как возможное следствие использования технологий, подкрепленное характером пользовательской активности, представляет собой достаточно массовое явление, сопровождающее, в частности, социализацию молодежи.

Умеренно невоплощенные эффективные (кластер 2) – 114 человек (27,5 %). Относительно высокие показатели в группе *невоплощенности как виртуализации, предпочтения Интернета и невоплощенности в Интернете* уступают только предыдущей группе, а высокий показатель *самоэффективности* значимо не отличается от показателя воплощенных эффективных студентов.

Корреляционный анализ в группе выявил ряд уникальных связей. В отличие от других групп, *невоплощенность как виртуализация* положительно коррелирует с *предпочтением Интернета* ($r=0,25$; $p<0,01$). Соответственно переживания невоплощенности усиливаются пользовательской активностью.

Витальное воплощенное Я представлено на среднем уровне и коррелирует не только с *самоэффективностью* ($r=0,37$; $p<0,001$), как в двух других группах, но также, в отличие от всех остальных, значимо связано с *предпочтением Интернета* ($r=0,34$; $p<0,001$). Оценка Я как жизнеспособного и адаптивного, способного овладеть обстоятельствами, справиться с разными ситуациями, диссоциирует с выбором опосредствованного, не требующего прямого контакта, контролируемого анонимного общения, с защитным поведением в Сети.

Характерная только для этой группы косвенная связь проблемного использования технологии с самоэффективностью позволяет применить к ней эпитет *общая* в смысле отношения как к офлайн-, так и онлайн-активностям. С учетом сомнительности преимуществ, которые дает предпочтение Интернета, вера в личностную эффективность, представляющая собой, по мнению А. Бандуры, всего лишь суждение, верное или неверное, в этой сфере представляется не вполне обоснованной. Не исключено, что в сознании пользователей смешивается самовосприятие в разных условиях: бесконечной, но искусственной вселенной Интернета

и в пределах доступного им, ограниченного, но реального мира. Приведенные данные, указывающие на определенную увлеченность защитными возможностями Интернета, могут служить аргументом в пользу склонности студентов группы к интернет-зависимости. В случае собственно зависимости на первый план выступает разочарование, как в группе невоплощенных неэффективных.

Дефицит личностной целостности, связанный с развоплощением в Интернете, проявляется в группе выполняющим защитную роль расхождением оценки собственного Я по внутренним критериям подлинности, ценности, реальности и условной социальной успешности, эффективности. В группе невоплощенных неэффективных с более выраженным расколом Я это противоречие снимается общей негативной идентификацией.

Заключение

Обоснованные в статье общность и различие конструктов невоплощенности в Интернете и самооффективности, относящихся к психологической реальности двух ипостасей Я, технологически дематериализованного и основанного на теле, подтверждена результатами корреляционного анализа в общей выборке. С виртуализацией Я, потенцируемой проблемной пользовательской активностью, подавляется воплощенное витальное Я, ослабевает вера молодых людей в личную эффективность по отношению к широкому кругу актуальных социальных ситуаций.

Выделены группы студентов, различающиеся уровнем невоплощенности в Интернете и общей самооффективностью. Спектр представленных вариантов развоплощения, соотношения витального воплощенного Я и невоплощенности как виртуализации соответствует обозначенному в статье теоретическому конструкту. Особенности групп позволяют заключить:

- уровню технологического развоплощения, выходящему за пределы нормы (возможно, предполагающему интернет-зависимость), соответствует низкая самооэффективность и в целом негативная самоидентификация (16,1 % выборки);

- средний уровень технологического развоплощения (возможно, соотносимый со склонностью к интернет-зависимости) предполагает недостаточную достоверность самооффективности и внутренние противоречия самоидентификации (27,5 % выборки);
- относительно низкий уровень технологического развоплощения, который может быть признан нормативным, не гарантирует высокой самооффективности, являясь скорее отправной точкой движения в этом направлении, достаточно позитивной самоидентификации в бытийном плане не соответствует оценка себя в плане социальной успешности (24,1 % выборки);
- низкий, очевидно, нормативный уровень технологического развоплощения при высоком уровне выраженности воплощенного витального Я предполагает реализацию в качестве возможности, открывающейся для цельной личности, высокую общую самооэффективность, идентификация с точки зрения бытийной самооценности и критериев достижений в социуме совпадает (32,3 % выборки).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07046.

Funding: The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-29-07046.

Литература / References

1. Белинская Е. П. Человек в информационном мире. *Социальная психология в современном мире*, ред. Г. М. Андреева, А. И. Донцов. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 203–220. [Belinskaya E. P. Man in the information world. *Social psychology in the modern world*, eds. Andreeva G. M., Dontsov A. I. Moscow: Aspekt Press, 2002, 203–220. (In Russ.)]
2. Войскунский А. Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с. [Voiskunsky A. E. *Psychology and the Internet*. Moscow: Akropol, 2010, 439. (In Russ.)]
3. Демильханова А. М. Влияние виртуальной реальности на образ Я (на примере ролевых компьютерных игр): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2009. 24 с. [Demilkhanova A. M. *The effect of virtual reality on the image of Self in role-playing computer games*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Yaroslavl, 2009, 24. (In Russ.)]
4. Емелин В. А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе. *Национальный психологический журнал*. 2016. № 3. С. 86–97. [Emelin V. A. Simulacra and virtualization technologies in information society. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*, 2016, (3): 86–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2016.031>

5. Марарица Л. В., Антонова Н. А., Ерицян К. Ю. Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности. *Петербургский психологический журнал*. 2013. № 5. С. 35–49. [Mararitsa L. V., Antonova N. A., Eritsyen K. Yu. Internet communication: potential threat or resources for a person. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 2013, (5): 35–49. (In Russ.)]
6. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. *Образование и наука*. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–124. [Soldatova E. L., Pogorelov D. N. The phenomenon of virtual identity: the contemporary condition of the problem. *The Education and Science Journal*, 2018, 20(5): 105–124. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
7. Чудова Н. В. Особенности образа «Я» «жителя Интернета». *Психологический журнал*. 2002. Т. 23. № 1. С. 44–52. [Chudova N. V. Image of Self in Internet users. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2002, 23(1): 44–52. (In Russ.)]
8. Шабшин И. И. О психологических особенностях общения в Интернете. *Московский психотерапевтический журнал*. 2005. № 1. С. 158–182. [Shabshin I. I. Psychological characteristics of communication on the Internet. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2005, (1): 158–182. (In Russ.)]
9. Bell D. *An introduction to cybercultures*. London-NY: Routledge, 2001, 246.
10. Lawson D. M. C. *Gary Becker and the quest for the theory of everything*. University of Notre Dame, 2004.
11. Marwick A. E. *Selling your self: online identity in the age of a commodified internet*. Diss. University of Washington, 2005, 188.
12. Munn L. *Digital Disembodiment*. Master's thesis, Auckland University of Technology, 2014.
13. Reid E., Deaux K. Relationship between social and personal identities: segregation or integration? *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996, 71(6): 1084–1091. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.6.1084>
14. Rheingold H. *The virtual community: homesteading on the electronic frontier*. Reading, MA: Addison Wesley, 1993, 325.
15. Suler J. R. Identity management in cyberspace. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*, 2002, 4(4): 455–459.
16. Turkle S. *The second self: computers and the human spirit (twentieth anniversary edition)*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2005, 387.
17. Turkle S. *Life on the screen: identity in the age of the Internet*. NY: Simon & Schuster, 1995, 247.
18. Лэйнг Р. Д. Расколотое «Я». Экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия. Феноменология переживания и Райская птичка. М.: ИОИ, 2017. 350 с. [Laing R. D. *The divided self: an existential study in sanity and madness*. Moscow: IOI, 2017, 350. (In Russ.)]
19. Коптева Н. В., Калугин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 1: теоретические основания и конструкт. *Клиническая и специальная психология*. 2021. Т. 10. № 3. С. 31–48. [Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Unembodiment on the Internet. Part 1: Theoretical basis and construct. *Clinical Psychology and Special Education*, 2021, 10(3): 31–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100303>
20. Коптева Н. В., Калугин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 2. Психометрическая проверка инструментария. *Клиническая и специальная психология*. 2021. Т. 10. № 4. С. 205–233. [Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Unembodiment in the Internet. Part 2. Psychometric verification of the questionnaire. *Clinical Psychology and Special Education*, 2021, 10(4): 205–233. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100410>
21. Коптева Н. В. Невоплощенность в Интернете как предиктор смыслоутраты (на примере студенчества). *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020. Т. 8. № 4. [Kopteva N. V. Unembodiment on the Internet as a predictor of the loss of meaning (a study of university students). *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020, 4(8). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/62PSMN420.pdf> (accessed 15 Feb 2022).
22. Коптева Н. В. Невоплощенность в интернете как новая форма технологического самоотчуждения (на примере студентов гуманитарных вузов). *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2021. Т. 31. № 2. С. 160–169. [Kopteva N. V. Disembodiment on the Internet as a new form of technological self-alienation (based on the study of students of humanitarian institutes of higher education). *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, 31(2): 160–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2021-31-2-160-169>
23. Коптева Н. В. Невоплощенность и изменение психологических границ как последствия нормативного использования информационных технологий. Сообщение 1. *Научно-педагогическое обозрение*. 2021. № 4. С. 221–228. [Kopteva N. V. Disembodiment and changes of psychological borders as the effects of normative use of information technologies. Message 1. *Pedagogical Review*, 2021, (4): 221–228. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-4-221-228>
24. Дорфман Л. Я., Калугин А. Ю. Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека. М.: ИП РАН, 2021. 279 с. [Dorfman L. Ya., Kalugin A. Yu. *Individual-intellectual integration of a person*. Moscow: IP RAS, 2021, 279. (In Russ.)] https://doi.org/10.38098/mng_21_0438
25. Юревич А. В. Психология и методология. М.: ИП РАН, 2005. 312 с. [Yurevich A. V. *Psychology and methodology*. Moscow: IP RAS, 2005, 312. (In Russ.)]

26. Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Разработка и апробация методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС). *Психологические исследования*. 2012. № 2. [Emelin V. A., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. Development and validation of the technique for measurement of changes of psychological boundaries while using technical devices (TPB-TD). *Psychological Studies*, 2012, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v5i22.782>
27. Рассказова Е. И., Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. М.: Акрополь, 2015. 115 с. [Rasskazova E. I., Emelin V. A., Tkhostov A. Sh. *Diagnostics of psychological effects of the impact of information technologies on a person: a teaching guide for psychology students*. Moscow: Akropol, 2015, 115. (In Russ.)]
28. Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 159 с. [Marcel G. *Being and having*. Novocherkassk: Saguna, 1994, 159. (In Russ.)]
29. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. *Вопросы философии*. 1997. № 6. С. 53–68. [Horujy S. S. Gender or pre-gender? Notes on the ontology of the virtual. *Voprosy Filosofii*, 1997, (6): 53–68. (In Russ.)]
30. Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*, 1977, 84(2): 191–215. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.84.2.191>
31. Bandura A. The self system in reciprocal determinism. *American Psychologist*, 1978, 33(4): 344–358. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.33.4.344>
32. Клонингер С. Теории личности: познание человека. 3-е изд. СПб: Питер, 2003. 720 с. [Cloninger S. *Theories of personality: understanding persons*. 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2003, 720. (In Russ.)]
33. Schwarzer R., Jerusalem M. *Measurement of perceived self-efficacy: psychometric scales for cross-cultural research*. Berlin: Freie Universitat, 1993, 45.
34. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1999. 300 с. [Binswanger L. *Being-in-the-world*. Moscow: KSP+; St. Petersburg: Yuventa, 1999, 300. (In Russ.)]
35. Bandura A. Exercise of personal and collective efficacy in changing societies. *Self-efficacy in changing societies*, ed. Bandura A. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, 1–45. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511527692.003>
36. Bandura A. Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist*, 1982, 37(2): 122–147. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.37.2.122>
37. Чешир Н., Томе Г. Реабилитация Я. *Московский психотерапевтический журнал*. 1996. № 4. С. 23–37. [Cheshire N., Thomae H. Rehabilitation of Self. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 1996, (4): 23–37. (In Russ.)]
38. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет; КДУ, 2009. 257 с. [Baudrillard J. *The transparency of evil*. Moscow: Dobrosvet; KDU, 2009, 257. (In Russ.)]
39. Эриксон Э. Философские сюжеты Эрика Эриксона: переводы работ американского психоаналитика. М.: Канон+, 2017. 416 с. [Erikson E. *Erik Erikson's philosophical plots: translated works*. Moscow: Kanon+, 2017, 416. (In Russ.)]
40. Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991, 256.
41. Ромек В., Шварцер Р., Ерусалем М. Русская версия шкалы общей самооэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*. 1996. № 7. С. 71–77. [Romek W. G., Schwarzer R., Jerusalem M. Russian version of the general self-efficacy scale by R. Schwarzer and M. Jerusalem. *Inostrannaia psikhologiya*, 1996, (7): 71–77. (In Russ.)]
42. George D., Mallery P. *IBM SPSS statistics. 23 step by step: a simple guide and reference*. NY: Routledge, 2016, 386.
43. Адлер А. Индивидуальная психология. СПб.: Питер, 2017. 256 с. [Adler A. *Individual psychology*. St. Petersburg: Piter, 2017, 256. (In Russ.)]
44. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс; Универс, 1993. 336 с. [Jung C. G. *Problems of the soul of our time*. Moscow: Progress; Univers, 1993, 336. (In Russ.)]
45. Баева Л. В. Экзистенциальные риски информационной эпохи. *Информационное общество*. 2013. № 3. С. 18–27. [Bayeva L. V. Existential risks of the information age. *Information Society*, 2013, (3): 18–27. (In Russ.)]
46. Зинченко В. П., Подорога В. А. О человеческой душе и плоти: из выступлений на научно-практической конференции в МосГУ «Междисциплинарные проблемы психологии телесности» (октябрь 2004 г.). *Знание. Понимание. Умение*. 2005. № 1. С. 34–43. [Zinchenko V. P., Podoroga V. A. Human soul and flesh: Proceedings of the scientific-practical conference "Interdisciplinary Issues of the Psychology of Corporeality" (October 2004) at the Moscow University for the Humanities. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2005, (1): 34–43. (In Russ.)]